

Шан Хьюз

НИКАКИХ ПОНЕДЕЛЬ НИКОВ

⚠ 18+

Booker Prize
longlisted
author

Шан Хьюз

Никаких понедельников

Издательство "Livebook/Гаятри"

2026

УДК 82-3
ББК 84

Хьюз Ш.

Никаких понедельников / Ш. Хьюз — Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2026

ISBN 978-5-907784-87-1

История женщины, пытающейся собрать себя по кусочкам в мире, который не может найти для нее места. Стервозная и бойкая Стефи, поддерживаемая сардоническим чувством юмора, проводит дни, работая в химчистке. Но как бы она ни старалась очистить все вокруг себя, ей не удастся избавиться от навязчивого чувства, что все идет не так. Она ухаживает за больным отцом-деспотом, а после его смерти пытается понять, что случилось с ее сестрой, ведь та, будучи школьницей, однажды просто исчезла из дома. Как так получилось, что Стефи, всю жизнь попадая из одной передраги в другую, не вспоминала о сестре вот уже тридцать лет? «Никаких понедельников» – яростный и нежный роман о памяти и освобождающем переосмыслении прошлого. Не пришло ли для Стефи время быть честной хотя бы с самой собой?

УДК 82-3
ББК 84

ISBN 978-5-907784-87-1

© Хьюз Ш., 2026
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2026

Содержание

Петушок по имени Дэйв	6
Семена ненависти	11
Игра в заразу	16
Верхний этаж и розовая краска	22
Кусочек сахара	25
Хнык-хнык, ме-ме-ме	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Шан Хьюз

Никаких понедельников

Дэвиду, Жилу и Элен – с любовью.

First published in Great Britain in 2026 by The Indigo Press

COPYRIGHT © SIAN HUGHES 2026

© Дарья Ивановская, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке. Livebook Publishing LTD, 2026

Петушок по имени Дэйв

В заднюю комнату отца я вошла примерно в полдень: в одной руке – его обед в тарелке, накрытой пищевой пленкой, в другой – крамбл с заварным кремом в миске, а отец сидел в своем кресле мертвый. Его пес Лестер был привязан к ножке кресла, он рвался с поводка и рычал на меня. У меня на плече висел пакет с чистой одеждой, а вместе с миской я пыталась удержать в руке ключ от передней двери, поэтому замешкалась, наполовину зайдя в комнату, наполовину оставаясь снаружи, не зная, куда поставить вещи, входить или выходить и в каком направлении двигаться дальше.

По какой-то причине мне показалось неправильным поворачиваться спиной к нему, поэтому я сделала пару шагов назад в коридор, словно отец был чуть ли не королевской особой, и поставила тарелку и миску на стул рядом с дверью, где он обычно садился снимать обувь и надевать тапочки. Я повесила одежду на вешалку и вернулась обратно. Клянусь, у этого пса совершенно отсутствовала кратковременная память. Когда я снова зашла в комнату, он вообще будто бы увидел меня впервые в жизни, в ярости вырвался из ошейника, стремительно метнулся через всю комнату и бросился прямо на мою левую лодыжку, вонзив гнилые остатки зубов в задник ботинка.

Вместе с висящей на ноге собакой я подтащилась ближе к креслу и подумала: может, отец вовсе и не умер. Может, он просто дремлет. Может, если я возьму его за руку, чтобы проверить пульс, он проснется и задаст мне по первое число. Он бы сказал: «Тупая корова, решила, что я откинулся!» Я потерла руки о джинсы, чтобы согреть ладони, прежде чем его трогать, но могла бы и не утруждаться. Он был холоднее камня.

Я опустилась в другое кресло, где часто сидела, и попыталась стряхнуть собаку с ноги. Зверюга выкидывала подобные номера довольно часто, когда я приходила в этот дом, так что я не особо напряглась. Вдруг пес разжал зубы и помчал в коридор. Должно быть, он учуял запах еды, потому что я услышала, как он рвет пленку и чавкает, фыркая в заварной крем. Я скрестила руки и привалилась к спинке кресла. Я все еще продолжала делать то, что начала, даже несмотря на сидящего рядом мертвого отца. Мне никак не удавалось переключиться.

– Ничего страшного, папа, – сказала я, – ты ничего не пропустил. Это тот консервированный картофельный салат, который тебе не нравится. А ветчину взяла в кооперативе, а не стояла в очереди у мясника, потому что... ну, честно говоря, мне было лень.

Пес за дверью давился и громко глотал. Быть может, он сейчас ел вообще последний раз в жизни. Тогда мне не придется идти к ветеринару. Интересно, сколько это стоит? Усыпление же наверняка не бесплатное. Хотя я в любом случае была готова заплатить. Господи, я всегда ненавидела эту собаку. Отец однажды сказал: «Когда умру, придется отправить пса вслед за мной. Я один умею с ним обращаться». Только он мог такое сказать. Хотя отец всего лишь имел в виду, что у него отличный сторожевой пес, а сам он великолепный собачник. Но я восприняла это как разрешение избавиться от злобной твари.

Оставив собаку доедать, я вышла через заднюю дверь во двор вызвать врача. Пока я ждала соединения, прижимая телефон плечом к уху, успела свернуть самокрутку. Мне не хотелось торопиться с выполнением дальнейших действий, какими бы они ни были. А отцу уже было все равно. Пес вдруг заметил, что я стою во дворе, и стал с лаем бросаться на кухонную дверь. Стоило выйти из дома, как эта псина забывала кто ты, и начинала на тебя нападать как на чужака. Вот уж ей-богу, тупейшее животное в мире. Я задумалась, должна ли как-то зафиксировать собаку до приезда медиков. Я теперь даже не представляла, как сама зайду в дом. Звонок врачу я сбросила. Какой смысл вызывать в дом людей, чтобы официально объявить отца мертвым, если туда даже входить небезопасно.

Отец говорил правду, утверждая, что лишь он один мог справиться с собакой. Но был еще один человек, которого пес боялся до усрачки. Трог. Если на то пошло, его все боялись до усрачки. Я бы могла назвать его другом отца, но это не совсем так. Они выпивали вместе в одном клубе и не дрались. Ну, по крайней мере, в последнее время. Уже перевалило за полдень, значит, бар открыт, и вполне вероятно, что я найду Трога в клубе. Если я приведу его сюда, чтобы он посадил собаку в клетку, то смогу спокойно вызвать врача или кого там обычно приглашают засвидетельствовать факт смерти.

Я пошла вдоль переулочка к главной дороге и дальше к клубу. Женщин туда не пускали. Я знаю, что теперь незаконно так делать, но нигде это не записано, так что никто ничего менять не собирается. Впрочем, вряд ли кому захочется туда зайти. Я прошла прямо в бильярдную. Трог стоял возле дальнего стола с парой мужчин, которых я вроде бы узнала – возможно, из магазина. Они остановили игру и уставились на меня. Правильно, так и надо, подумала я. Да, вам следовало бы встать и держать кий, как винтовку, словно я – похоронная процессия, движущаяся по Хай-стрит. Встать и молча стоять. Перед вами дочь Стэна. Она прет, как танк.

– Трог, – сказала я, – мне нужно, чтобы ты пошел со мной, забрал этого жуткого отцовского пса и поместил его куда-нибудь в безопасное место, потому что он сидит в кресле мертвый, а мне нужен врач, чтобы выписать свидетельство о смерти, но псина никого не впускает.

– В смысле – пес умер? Почему именно я должен убрать труп собаки?

– Да не пес. У собаки все в порядке, к сожалению. Папа.

– Стэн умер?

– Кажется, да. Думаю, лучше дождаться врача. Я-то не специалист.

Трог медленно положил кий на зеленый стол, подошел ко мне и широко раскрыл свои огромные потные объятия. Январь, середина месяца, а этот мужик ходит в майке. Его татуировки потускнели и расплылись, поскольку с возрастом он обрюзг, и лица Девы Марии и разных ангелов размазались по плечам. Мне зверски хотелось попросить его надеть рубашку, когда он заключил меня в объятия. Хорошо бы, чтоб меня что-то отделяло от его подмышек.

Трог выдал весь воздух из моих легких и издал скрежет резко тормозящего поезда. Я подумала, что, должно быть, этот звук в его случае символизировал рыдания. Когда он отпустил хватку, вокруг меня тут же сгрудились остальные мужчины и с серьезными лицами по очереди стали жать мне руку. Некоторые из них уже подносили мне выпить свободной рукой. Бармен работал быстро. И, похоже, наливал двойные. На пустой желудок. У меня всего сорок минут обеденного перерыва. Но бесплатная выпивка есть бесплатная выпивка.

Я позвонила на работу предупредить, что не вернусь с обеда, потому что у меня умер отец. Трубку взял Эндрю.

– Подожди-ка, ты утром пришла на работу. Теперь вдруг у тебя отец умер. Это шутка такая?

– Возможно, он утром и умер. Я не знаю. Я его десять минут назад нашла, когда принесла обед.

– Что? Seriously? У тебя перерыв всего тридцать минут, а ты в это времяносишь папе обед?

– Сорок минут. Да.

– Тридцать минут. Сколько раз говорить, тридцать минут. Не удивительно, что ты вечно опаздываешь.

– Видимо, в будущем у меня не будет столь веского оправдания.

– Гадство. Придется просить Сью тебя подменить. А она еле шевелится, сонная кобыла.

– Ладно, хорошо. Спасибо за сочувствие. Думаю, ты в курсе, что на этот счет есть правила. Отпуск по семейным обстоятельствам. Название говорит само за себя. Проверю трудовой договор. Я едва успела отключить связь, прежде чем добавить: «Мудила».

Наступила гробовая тишина. Брань вполне позволительна в клубе. Но некоторые слова запрещены. Можно свободно ругаться типа «срань», «сука», «говно» и «жопа», но слова «мудак» и «б****» вне закона. Не спрашивайте, откуда берутся эти правила. Я уже говорила, что их никогда не фиксировали письменно. Я знаю это только благодаря многолетней работе за барной стойкой. А из запрета для женщин есть всего одно исключение. Им можно работать за баром – правда, нельзя заходить в бильярдную, даже чтобы собрать грязные стаканы. Однако существует еще и правило, согласно которому недопустимо остаться без посуды, если все грязное стоит в бильярдной. Никто не признает противоречивость этих двух правил. Всем плевать.

Трог положил свою огромную мясистую руку мне на плечо и сказал:

– Все нормально, братаны. Сегодня такой день. До нее пока не дошло.

Все члены клуба собрались вокруг меня, чтобы пожать руку, и Трог руководил процессом знакомства с посетителями, которые сочувственно подходили ко мне группами и угощали выпивкой. Я пила и кивала. Трог повторял каждый раз одно и то же: «До нее пока не дошло». Он как бы пытался объяснить, почему я не рыдаю. Остро я ощущала только одно – воздействие виски. Трог все говорил, каким хорошим парнем был мой отец, просто олдскул, таких сейчас не делают. А я думала: возьми себя в руки, ты такого в ближайшее время еще наслушаешься. Множество фигови от множества незнакомых людей.

Кое-что из сказанного ими я запомнила. Могу даже записать по памяти. Понятия не имею, правда ли это хотя бы наполовину. Хотя я не запомнила, кто именно говорил.

Один рассказ касался пожара в старом клубе. Все стояли перед зданием возле пожарных машин, и тут кто-то начал озира́ться. Дескать, где Стэн? Оказалось, что он зашел со служебного входа и выкатывал бочонки вверх по пандусу из подвала, при том, что эти бочки так-то созданы специально чтобы катиться вниз. Попробуйте поднять хоть одну, когда она полная. Вообще не весело. Их докатили за огородами всей толпой и припрятали в сарае Артура, потому что все равно они были застрахованы, так что какая разница. Этих запасов им на несколько недель хватило.

Большинство историй касались его бойцовского прошлого. Этим он зарабатывал на жизнь. Он получал деньги, участвуя в боях в барах. Иногда он тренировал бойцовского петуха или собаку. Когда подобные мероприятия стали нелегальными, он продолжал заниматься ими подпольно. Говоря, что он получал деньги, я имела в виду, что некоторое их количество постоянно переходило из рук в руки. На них покупались напитки. Деньги были в обороте, и значительные суммы проходили через него. Но ни копейки не доходило до дома. Простите, я же обещала только пересказывать услышанное.

Еще одна история известна вообще всем. О петухе по имени Дэйв. Итак, у него был петух, которого он назвал Дэйвом, абсолютно черный, с одной лишь белой полоской на хвостовом пере, весьма приметной. Эта птица одержала километровую серию побед, и никто не мог понять, как петух настолько быстро возвращался в бой после очередной схватки. Затем один из тех, кто ставил против него, проследил за моим отцом до курятников и обнаружил там целых трех черных петухов. Каждый раз перед боем он просто рисовал краской белую полосу на хвосте. Каждый раз выходили разные птицы, свежие и готовые драться. Гениальность заключалась в том, что ни у одной из птиц на самом деле не было белого пятна. Ни одна из них не маскировалась, и при этом ни одна не была настоящей. Он называл их Дэйвами, потому что куда ни сунься, везде найдется чувак по имени Дэйв, а за деревьями леса не видно.

Он присел еще в молодости (люди говорят «присел» – то есть отправился в тюрьму), когда дело приняло плохой оборот (в смысле: кто-то получил серьезные травмы). Вернулся он пешком, и пока шел по Хай-стрит, все вокруг узнавали его, даже совсем маленькие дети, которые никогда его раньше не видели. Все знали, что у него голубые глаза, темно-каштановые волосы и щербинка между передними зубами. Стэнли Картрайт вернулся в город.

Он всегда держал бойцовскую собаку, которую никто другой не мог контролировать, такую, от которой отказались все остальные. Все его собаки заканчивали с разорванными связками, драными ушами, вырванными хвостами, неправильно сросшимися после перелома челюстями, большинство называлось в честь игроков команды «Волки», прошлых или настоящих. Однажды, возвращаясь с вечерни, он нашел симпатичную маленькую суку колли, почти готовую ощениться, принес ее домой, посадил в коробку у камина и назвал Холли, сделав собственную ставку на грядущий сезон. Он умел подбирать подходящую суку для правильного кобеля, чтобы вывести идеального бойца. Никто и подумать не мог, что Холли станет прама-терью лучших его бойцов. Он говорил, что у нее есть крепость духа. Выносливость. Та самая способность собаки продолжать бой, когда силы уже исчерпались. Это важнее мышечной силы, и воспитать такую черту сложнее всего. И еще невозможно проверить ее наличие, пока собака не подошла вплотную к концу схватки, когда уже поздно что-либо предпринимать. Он видел, как она охраняла своих щенков. Решил, что именно это качество необходимо собакам: выносливость.

Когда Шизик Брэдли угодил в тюрьму, отец выиграл в лотерею запас мяса и отвез весь выигрыш его жене, чтобы поддержать ее. Там были куски говядины для тушения, пироги, сосиски, фарш и даже целая жареная курица. Проблема была в том, что пока Шизик находился в тюрьме, его баба решила сдать экзамен на водительские права, чтобы передвигаться самостоятельно, потому что машина стояла бы в гараже четыре-пять лет, пока хозяин сидит. И она действительно сдала экзамен, хотя один Бог знает как. Ей удавалось ездить в город и обратно, но попасть машиной в гараж она не могла никогда. Это был один из дешевых сборных пластиковых гаражей, и она врезалась в него столько раз, что в итоге отпихала его далеко на задний двор. Он практически уперся в окно кухни, так далеко она его задвинула.

Когда отец пришел с мясным трофеем, он увидел гараж, сдвинутый со своего места и подпирающий заднюю дверь. Пришлось нести мясо обходным путем, вокруг здания и через парадный вход, причем жила эта семейка в конце улицы. А на обратном пути отец все гадал: как Лу и дети попадают в уличный туалет? Раньше же туалеты располагались во дворе. Лу и детям приходилось выходить через парадную дверь, обходить террасу, шагать через улицу, а потом возвращаться обратно, чтобы просто справить нужду. Хозяйка еще и горшки за всеми этими детьми выносила. Так что отец оставил мясо и решил вернуть гараж на прежнее место. Он выволок его обратно в сад. Потом подумал, что если она опять не сможет заехать на машине внутрь, то снова сдвинет его, поэтому разобрал всю конструкцию и заново собрал, сделав ворота вдвое шире. На это ушло две недели.

Вернувшись, Шизик сказал Лу: «Ну надо же, какой Стэн молодец: и гараж мой перестроил, и выигранное мясо отдал».

Шизик не на ровном месте получил свое прозвище. Он пришел и вмазал отцу по зубам. Никто не отдаст запас мяса и не перестроит гараж, если не рассчитывает получить что-нибудь взамен. Хотя я думаю – если вам вдруг интересно, конечно, – что ничего особого взамен он не ожидал. А Лу была та еще сука. Наверное, специально сделала вид, будто что-то эдакое предполагалось, чисто по приколу. Тем не менее отец с достоинством принял удар по лицу, и никто больше не упомянул об этом инциденте. Потеря переднего зуба оказалась весьма кстати, потому что его счастливая щербинка стала только шире. Отец часто говорил, что если можешь пропустить монету между передними зубами, это признак финансовой удачливости. После встречи с Шизиком он мог целый фунт меж зубов воткнуть, но никаких доказательств везения с деньгами я не заметила. У меня тоже есть такая щель – или была до установки протезов, – и у меня никогда не было денег.

Так или иначе, время близилось к вечеру, а я с утра ничего не ела. Находясь там, слушая истории о папе и бесплатно выпивая, я начала ощущать, что меня немного повело. В клубе лежал старый ковер с зелеными и коричневыми ромбиками, заходящий даже на стены за боко-

выми скамейками. Я смотрела, как эти зеленые и коричневые ромбики плавают вверх-вниз от пола до скамьи и обратно, и прикидывала, насколько сильно надралась.

Я подумала: вот как должны выглядеть поминки. Реки халявной выпивки, бесконечные рассказы о былом и ни одного плохого слова в адрес покойного. Примерно около пяти часов вечера я вспомнила, что так и не вызвала врача, и меня вдруг пробил ледяной озноб: вдруг он вовсе не умер, и я тут сижу, бухаю, а отцу срочно нужна помощь. Я резко вскочила, что крайне неразумно с полным желудком спиртного и отсутствием обеда, и мне пришлось снова сесть.

– Я не позвонила врачу, – сказала я. Или хотела сказать. Кто бы знал бы, что произнес мой рот. У меня все онемело от носа до груди. Тут кто-то произнес:

– Забудь. Трог обо всем позаботился.

Затем вошел Трог с проклятым псом, Лестером, на поводке, семенящим за ним следом, словно на конкурсе красоты. Трог сказал:

– Я все уладил, Стеф, я по пути встретил ритуальщиков, они моментально все сообразили. Тело забрали, сделали аккуратно.

И тут я поняла, что мне вся улица косточки перемоеет, потому что я отсутствовала, когда выносили его тело, зато все соседи стояли рядом, опустив головы и крестясь.

– Доктор назвал причину смерти?

– Нет. Они все сделают, как в телевизоре. Вскрытие, там и увидят. Скорее всего, сердце.

Все согласились, что скорее всего и правда сердце, не имея никакого понятия, почему это могло произойти, не видя тела и ничего не соображая в медицине. Предположительно, они были правы. Независимо от причины, его сердце определенно перестало функционировать.

Больше я ничего толком не запомнила, но кто-то вызвал такси, и я очнулась примерно в три часа ночи, полностью одетая, на кровати, в болтающихся на одних шнурках кроссовках и со съехавшим с передних зубов протезом. Я подставила голову под кран и позволила воде течь в рот и наружу, омывая задние зубы и растекаясь по всему полу. Значит, вот как оно – быть сиротой. И именно тогда впервые пришла мысль: б**, мне теперь придется искать сестру.

Семена ненависти

Насчет моей сестры – тайн никаких нет. Ее не то чтобы было тяжело найти. Я просто никогда не пыталась даже. В принципе, нужно было только посмотреть адрес места ее работы и прыгнуть в автобус. Оказалось, что ехать далековато, но какая уже разница. Мне даже паспорт не понадобился, ничего такого. Наверное, стоило сперва позвонить и убедиться, что она точно на работе в этот день, но она же там не прячется от меня, в самом деле.

Если уж на то пошло, она тоже не пыталась со мной общаться. Открыток на Рождество не присылала, связь не поддерживала – исключительно из-за отца. Потому что все эти годы я жила рядом с ним, каждый день приходила, приносила ему еду, помогала надевать носки, все такое, а она не хотела иметь с ним ничего общего. И я не могу ее осудить. Она отлично умела делать выводы.

Если отца спрашивали о ней, он игнорировал вопрос. Если собеседник продолжал напирать, он отвечал: «Я не имею к ней никакого отношения, к чему расспросы?» Я выросла, постоянно держа эту информацию в уме. Он не имеет к ней никакого отношения. Только вот там же, в уме, я знала, что это не может быть правдой. Я в свое время перерыла все его шкафы, нашла там чековые книжки, прочие штуки и наши свидетельства о рождении – Каролин Мэри, май 1965, и Стефани Джейн, октябрь 1966. В обоих отцом значится Стэнли Картрайт.

Мама была замужем дважды. Ее первый супруг погиб в результате несчастного случая на производстве. Ей выплатили страховку, и дом также остался за ней. Умер он в 1960-м, мама осталась вдовой, без детей и с собственным домом. Кое-кто считал, что это делает ее завидной партией. Но в основном люди поговаривали, что с ней что-то не так – потому что за пять лет брака она так и не родила. В общем, ее обсуждали. А еще активнее – когда у нее завязался роман с отцом. У него была нехорошая репутация драчуна, и люди говорили, что ему лишь бы урвать кусок пожирнее. Я слышала, как баба Мари говорила, что он отлично сечет, откуда ветер дует.

А вот что я помню, так это как он повторял, что ей повезло: он-то рискнул связать свою жизнь с чужой женой, рискнул надеяться, что у нее получится нарожать с ним детишек. Сказал, что вообще-то никогда не любил донашивать чужие ботинки. Я помню, как он сказал: «Каролин не имеет ко мне отношения. Радуйся, что я вообще позволяю ей здесь жить». Так что в моей голове возникла мысль, будто мама родила Каролин от первого мужа, хотя любому, кто хотя бы умеет складывать на пальцах, ясно, что это бред.

Такие вещи одновременно и высказывались вслух, и умалчивались. Они словно служили фоном, цветом всего происходящего дома. Они не могли быть предметом для обсуждения, и именно поэтому их невозможно было оспорить. Трудно объяснить. Ну вот представьте себе ситуацию, когда вдруг кто-то начинает утверждать, что вторник наступает сразу после воскресенья, а понедельника вовсе не существует. Вы привыкаете не упоминать понедельник. В вашем доме понятие «понедельник» исчезает. В школе вы можете написать в тетрадке «понедельник», но дома ни за что не допустите такую ошибку. Вы пишете и думаете: какая глупость, зачем заставляют писать несуществующее слово? Вам приходится дважды в неделю держать в голове вторник, чтобы не пропустить день, но вы привыкаете. Просто как бы обходите этот вопрос стороной. Мы подобным образом много чего обходили стороной.

Так что я довольно легко обошла стороной необходимость выяснить, где теперь живет моя сестра, и сообщить ей, что отец умер. Я было подумала разыскать ее и рассказать о случившемся, но тут же отмела эту мысль. Должно быть, я давно научилась этому трюку: вспоминать о сестре, а потом мгновенно стирать эту мысль одним выдохом. Убираешь саму концепцию сестры, убеждаешь себя, что ей совершенно не интересно то, что произошло. Хотя о чем я действительно задумалась, так это о завещании. О его возможном содержании. Но зря волно-

валась. Во-первых, он даже не удосужился составить это завещание, а во-вторых, ему нечего было оставлять ни одной из нас. Все эти годы он брал деньги в долг под пенсию: на собак, бойцовых петухов, ставки на верняк и шансы против всех, на вечера в собачьем клубе, пиво в местном заведении, – и в итоге у него не осталось ни гроша. Похороны придется оплачивать мне. А если захочу избавиться от того безумного старого пса, пока он кого-нибудь не покусал и не втянул меня в суд, это обойдется еще в сто тридцать восемь фунтов плюс НДС. Чем больше весит животное, тем дороже его усыпить.

Радуюсь, что хоть стоимость похорон не зависит от массы тела. Отец был крупным, мощным мужчиной, и от постоянного сидения перед телевизором после того, как его колени и бедра отказали, он не становился легче. Мне интересно, было ли сложно вытащить его из кресла, застрял ли он там намертво. Интересно также, смогли ли положить его ровно на носилках, чтобы запихнуть в машину. Я почему-то задумалась о таких вещах. Например, пришлось ли ломать ему ноги, чтобы поместить тело в гроб? Как это делается?

Потом я начала беспокоиться насчет погребальной одежды. Я не присутствовала при подготовке его костюма и не передавала одежду работникам морга. Я не хотела, чтобы он отправился в загробную жизнь в подтяжках и свитере без нормальной рубашки и воротничка. Проснувшись среди ночи, беспокоясь о его ногах. Он был записан к подологу на следующую неделю. Его ногти были в плачевном состоянии. Не порвались ли носки, когда их надевали? Останется ли он в жизни вечной с торчащими из дырок пальцами ног? Даже не знаю, почему я стала переживать обо всем этом, учитывая, что я редко бываю в церкви и вроде бы даже никогда не верила в загробную жизнь. Однако оказалось, что верю, поскольку продолжала ходить к сотрудникам морга с разными комплектами вещей и расспрашивать, что лучше надеть ему на ноги и причесан ли он.

Они проявляли терпение ко мне. Говорили: «Может быть, вам зайти и взглянуть на него, чтобы вы не беспокоились? Он выглядит вполне достойно. Мы надели ту хорошую рубашку, которую вы принесли, джемпер с треугольным воротом и пиджак. На нем лучшие брюки и новые черные носки. Обувь нельзя, это требование крематория». Но я не пошла. Знала, что веду себя трусливо. И не потому, что боялась видеть его мертвым. Просто я знала: он рассердится на меня за то, что оставила его в доме и ушла напиваться неподалеку, что меня не было рядом, когда выносили тело. Я не осмеливалась посмотреть ему прямо в глаза, пусть даже они закрыты и придавлены монетами. Я слишком долго его боялась, чтобы сейчас вдруг перестать.

Затем я снова вспомнила про монеты на глазах отца. Вспомнила, как умерла баба Мари, и мы дали работнику морга серебряные монетки; их нужно было положить в бабушкины карманы, чтобы заплатить перевозчику, переправляющему души в рай. Следует ли поступить так же с отцом? Он терпеть не мог пустых карманов. Я постоянно зашивала подкладку брюк, потому что он носил столько мелочи, что ткань рвалась. Банковской карточкой он принципиально не пользовался. Говорил, что это позор. Мужчина обязан иметь наличные деньги. Но если нельзя кремировать умершего в обуви, то как насчет монет? Наверняка же они тоже плохо горят.

Ритуальная служба недалеко от моего места работы. Там ряд магазинов: наша химчистка расположена с одной стороны, супермаркет, парикмахерская и винный магазин находятся посередине, а дальше, возле автобусной остановки – «Люди в черном». Вообще фирма называется «Ритуальные агенты Моррис и Бэйнс», но все называют ее «Люди в черном», по очевидной причине. Я выходила на перерыв и шла в супермаркет, либо стояла у черного входа и курила, все время мысленно возвращаясь взглядом к двери в конце дома, представляя, как где-то там, внутри, лежит отец и ждет, пока я наберусь смелости пойти туда и увидеть его. Я ходила кругами вокруг квартала и все думала: «Сейчас он кипит негодованием». Давай, Стеф, зайди и посмотри правде в лицо, раньше ты никогда не была трусихой. Суть в том, что раньше мне попросту не разрешалось проявлять трусость. Пока он наблюдал за мной, я не имела на это

права. Теперь я размышляла, какой станет моя личность, если он больше не следит за моими действиями. Буду ли я тем человеком, который способен отправить сообщение своей сестре, или нет? Есть ли у меня вообще сестра?

Даже сама мысль произнести слово «сестра» воспринималась странно, как будто я впервые позволила себе об этом задуматься, но неизменно инстинктивно озиралась, ожидая удара. Я не умела принять это слово целиком, не понимая, что оно не навредит мне, если навсегда останется внутри меня.

Например, сейчас стало так: возвращаясь домой, Дебби приводит собаку, если та оставалась у нее, пока я на смене в доме престарелых, и может сказать: «Звонила твоя сестра», и у меня внутри ничего не обрывается. Раньше я не могла себе такого представить. Для нормального восприятия слова «сестра», способности произносить ее имя вслух и не испытывать страха потребовалось много времени.

Последний раз мы с Каролин до смерти отца виделись на церемонии прощания с бабой Мари. Остальные гости разъехались на машинах к месту поминок, так что у могилы остались только мы с Каролин. Она была в высоких черных сапогах на шпильке, каблуки утопали в грязной кромке ямы. Ей приходилось вставать на цыпочки, чтобы не увязнуть. Казалось, она чуть не падает вперед в могилу. Она вытащила из-под пальто шелковый шарф и обернула голову, когда начался дождь. Тогда я подумала: «Дорогостоящий аксессуар». Я отличаю дешевую поделку из массмаркета, которая не переживет первую же стирку, от серьезной вещи. Ее шарфик принадлежал к последней категории. Простой черный, с фестончатым краем. Что-то вроде вареного шелка, как мне показалось.

– Ты была близка с бабой Мари, да? – спросила я.

Она поправила пояс пальто и продолжила смотреть в землю. Пальто от Zara, поняла я. Шестой или восьмой размер. Чистая шерсть. Только сухая чистка, специальное обращение. Но явно не из новой коллекции. Возможно, куплено на распродаже.

– Да, – сказала она. – Без нее я бы точно погибла от голода.

Повернулась и неловко поковыляла прочь на цыпочках, пока не добралась до гравиевой дорожки, которая оказалась ненамного лучше. Я заметила большой «универсал» у боковой ограды. Она сняла пальто, затем скинула шарф и уселась на пассажирское кресло. Волосы у нее тогда были темно-каштановыми, собраны в тугий пучок, седины нигде не видно. Водителя я не разглядела. Кто бы там ни сидел с ней, на поминки они не пришли.

Мама умерла задолго до этого момента, так что у дверей паба осталась одна я, пожимая руки гостям и говоря: «Спасибо, что пришли. Она вас очень ценила». Друзья бабушки смотрели на меня недобрым взглядом. Никто не сказал: «Она бы тобой гордилась», или «Ты прекрасно организовала похороны», или любые другие стандартные фразы, которые обычно говорят на поминках. Меня считали плохой внучкой. Всем было известно, что я совсем недавно вышла из тюрьмы. Одна женщина поинтересовалась: «Где ваша сестра?», как будто виновата в ее отсутствии была исключительно я. Хотелось крикнуть: «С хера ли мне знать?», – но голос подвел меня. Никто не спросил, где мой отец. Все знали, что он не появится на этих похоронах.

Отец всегда называл бабу Мари «Эта-Сука-Твоя-Мать» в присутствии мамы или «Эта-Сука-Ее-Мать», когда ее не было рядом. Сначала я думала, что ее так зовут на самом деле. Обычно у каждого члена семьи разные имена. Например, папу зовут Стэн, когда он в клубе, или Птичник, или Сам, если о нем говорят бабушка или тетя Кэтлин. Мама была Тетя Айлин для соседей, Наша Элайза в доме ее мамы или собственной тети, а дома – Мамочка или Мать. Баба Мари тоже называлась Мамочкой, или Тетя Маз, или «Эта-Сука-Ее-Мать».

Действительно ли Кэролин голодала бы? Моя первая реакция была: о чем она вообще? Полная же фигня. Но позже я задумалась: почему она так сказала? Не знаю. Эти слова натолкнули меня на размышления. Еды у нас в доме хватало. Помню, как отец приходил поздно вечером и делал бутерброды с консервированной говядиной и луком, нарезая целую банку

тушенки, укладывая ее на хлеб, а сверху – кольца лука. Если тушенки не оказывалось, мы довольствовались тостами и какао.

Во сне я слышала, как открывается задняя дверь, и спускалась вниз в ночной сорочке – около десяти часов вечера, если он работал ранним утром, или в шесть утра, если смена заканчивалась к ночи. Тогда он служил ночным сторожем на фабрике печенья. Он сажал меня на край стола, пока готовил еду, чтобы мои ноги не мерзли на полу. Он все делал, не снимая черной рабочей куртки, громко стуча ботинками по плиткам пола. У этой куртки на плечах были блестящие накладки, я хваталась за них руками и подпрыгивала, от отца пахло улицей, обувной кожей, папиросным табаком, мокрой шерстью и печеньем.

Больше всего я любила тосты со смальцем. Ни один знакомый нам человек не покупал масло для приготовления пищи. Когда жарить мясо, собираешь жир в плошку и даешь затвердеть. И потом для следующей жарки зачерпываешь немного ложечкой. Иногда мясной бульон на дне плошки застывал в желе, и, если намазать его на тост вместе с толстым слоем мягкого жира, получалась соленая сытная смесь. Я болтала ногами, стучаясь о дверцы шкафчиков, и смотрела, как отец перекидывает горячий тост из руки в руку, размазывая жир обратной стороной ложки, размешивает вилкой комочки какао в кружках. Он любил пользоваться неправильной посудой для всего подряд, потому что это смешило меня и выводило мать из себя. Затем включал электрический камин на кухне, и мы завтракали, слушая новости на канале ITV, а он предупреждал, чтобы я не верила всему, что там говорят. «Кто говорит? – переспрашивала я. – Кто обманывает?» А он отвечал: «Да все. Все они козлы. Всякий раз, когда тебе что-то рассказывают, задавай один простой вопрос: где деньги? Кто на этом заработает?»

Думаю, он получал удовольствие, опустошая шкафы, чтобы другим членам семьи точно ничего не осталось. Предлагал мне еще один кусочек хлеба, и еще один, наливал полную кастрюлю молока для нашего какао, а остатки выплескивал в раковину. Доедал весь хлеб из хлебницы, намазывая кусочек за кусочком, до самой горбушки. Если я не могла доесть, он выбрасывал остатки птицам. Оставлял посуду и устраивался спать в гостиной. Он стелил там, когда дежурил ночью. Значит, всегда приходилось соблюдать тишину, потому что он отдыхал прямо за стеной кухни, где мы проводили большую часть времени.

Утром мама мыла стаканы, тарелки и кастрюли, оставленные нами на кухне, и говорила: «Опять вся буханка исчезла, и я ела кукурузные хлопья на завтрак». Она шла к Кэтлин, соседке, попросить молока.

Я подумала: «Может, Каролин ходила к бабе Мари за едой. Может, она делала это после школы или на выходных. Тогда где она брала деньги на проезд?» К бабушке надо было добираться двумя автобусами, дорога занимала почти целый день, особенно в воскресенье. В родных краях бабы Мари существовал обычай давать всем детям, гуляющим за домами, булочку с маргарином. Это называли «бутер». Если повезет, могли дать «сладкий бутер»: маргарин сверху посыпали сахаром.

Когда я приезжала туда с мамой на автобусе, баба Мари пристально смотрела на меня. «Его любимица, – говорила она. – Вот нормальная девочка. Опять выросла из платья». Так оно и было. Я донашивала одежду за Каролин, но она росла медленнее, чем я доросла до ее вещей. Я постоянно торчала из этих одежек, швы расходились, я протискивалась в узкие рукава и рвала резинки носков, едва натягивая их на пухлые икры.

Однажды в автобусе по дороге домой я сказала маме: «Баба Мари меня не любит», – а мама ответила: «Она и не обязана тебя любить. Тебе и так везет. Совершенно не обязательно, чтобы все тебя любили». Я плакала и восклицала: «Но я не хочу, чтобы мне везло! Я хочу, чтобы баба Мари любила меня». А она отвечала: «Хочешь – не значит получишь». Раньше взрослые часто так говорили детям. Потом мама добавила, что я слишком жадная. Я думала, она сердится, что я попросила посыпать мне хлеб сахаром, и не понимала, что речь идет о любви.

Когда мужчины в клубе говорили о тех бойцовских петухах по имени Дэйв, с белой полосой, нарисованной на хвосте, я внезапно вспомнила одно высказывание отца. Мы с ним вышли во двор, он пересаживал одного из Дэйвов в отдельную клетку, потому что остальные петухи нападали на него и клевали, пока не появились проплешины. Папа капнул немного растворителя на тряпку и осторожно стер последнюю белую полосу с хвоста Дэйва. Сказал:

– Я оставляю метку ненадолго, на пару дней, потому что птицы не переносят особей с дефектом. Любое отличие – и они сбиваются в стаю и атакуют. Это дурачье же не знает, когда придет их очередь, когда у них появится такая же метка.

– Тут дело в разведении бойцов, – объяснял он. – Все думают, что они такие хитрожопые, все что-то вынюхивают, пытаются подловить меня на каких-то фокусах. Но это не имеет отношения ни к специальным диетам, ни к прочему говну. Все гораздо проще. Надо заложить семена ненависти в их сердца. – Он погладил хвост птицы и поместил ее в боковую клетку. Другие взлетели на проволоку, пытаясь добраться до нее, а петух расправил крылья и выпятил грудь, готовый убивать. Папа с грохотом опустил крышку клетки. – Семена ненависти, – повторил он, похлопывая рукой по сетке.

Затем он поднял четыре яйца, которые мы забрали от несущек, положил два в карман куртки, а остальные два зашвырнул в дальнюю живую изгородь.

– Я знаю, чем мы поужинаем, – сказал он, потом взял меня за руку и не отпускал до самого дома.

Возможно, это случилось именно в тот день, или в любой другой день, но я запомнила именно яйца на ужин. Раньше, кажется, за столом стояли четыре стула, но потом оказалось, что их осталось только два. Мама сделала на сиденья чехлы из старых красных школьных платьев с белыми полосками. Один стул предназначался для меня, второй – для папы. Понятия не имею, когда исчезли остальные стулья. Возможно, их никогда и не существовало. Мама вынула сварившиеся вкрутую яйца из кастрюли, отрезала верхушку у моего яйца и посыпала солью и перцем. Срезанная часть лежала на блюде рядом с ней, такая маленькая белая вершинка с едва заметным пятнышком желтка. Мама положила маленький кусочек масла в мое яйцо, и я увидела, как папа внимательно посмотрел на нее, когда она принесла мне яйцо без этой верхней части.

Он смотрел и смотрел на нее, пока она не опустила взгляд. Он продолжал сверлить ее глазами, и она вернулась к кухонному столу, принесла эту срезанную верхушку и положила на мою тарелку. После этого он вновь усадился в стол и начал есть. Я не знала, что делать с верхней частью яйца. Чувствовала смущение и стыд, но не понимала почему. Мне даже жарко стало. Я не знала, отдать ли маме этот срезанный кусочек. Я понимала, что сейчас увидела то, чего не должна была видеть, что-то нехорошее. Присматривалась к матери, стараясь понять, в чем дело, но тут отец сказал: «Ешь свой ужин, Стеф. Все съдай. Будь умницей. Я люблю чистые тарелки». Меня всегда хвалили, если на тарелке ничего не оставалось. Только много лет спустя я задумалась, не отдавала ли мама эту срезанную часть яйца моей сестре.

Игра в заразу

Ничего такого особенного я не имею в виду, но дело в том, что за несколько недель до похорон я немножко сдвинулась по фазе. Стала грубить клиентам. Говорила им, что их одежда ужасна. Ну то есть не прямо такими словами, но примерно следующее: «Вот ваше пальто. Хотя ради такого можно было и не заморачиваться». Или: «А на свадебных фото это платье нормально получилось? Да? Ну хоть что-то».

Пришлось идти в кабинет Эндрю, на ковер. Слово «кабинет» звучит весьма громко применительно к уголку склада, где он загородил свой пластиковый стол импровизированной стеной из книжных стеллажей.

– Тебе вообще нормально здесь работать? – спросил он меня.

– Да, а что?

– А то. Некоторые клиенты жалуются, что ты грубишь.

– Зануды говноротые!

– Если не хочешь брать отпуск, можешь пока поработать на складе.

– Я тебе который месяц долдоню, что предпочитаю работу на складе. Уже даже все курсы прошла.

– Тогда решено. Или ты хочешь в отпуск?

– Оплачиваемый?

– С учетом того, что ты тут работаешь меньше трех лет, тебе положен половинный оклад, но можно взять часть ежегодного отпуска. У тебя еще два с половиной дня остаются до апреля.

То есть он подсчитал, что менее трех лет. А потому что, когда всё вдруг закрыли, то сотрудников просто уволили без выходного пособия, а потом – сюрприз-сюрприз! – компания открылась опять, и нам пришлось заново устраиваться на прежние должности, теперь уже по нулевым контрактам, без льгот и опять на минималку.

– Ладно, тогда пойду на склад, – сказала я. – Мне нужны деньги.

И так было не только на работе. Дома я постоянно просыпалась среди ночи, потому что слышала снизу жалобный скулеж пса, Лестера, он просился на улицу. Хотя я не брала собаку к себе домой. Она жила у Трога. Никогда даже не бывала в моей квартире. Но я просыпалась от собачьего плача, бесконечного высокого и протяжного звука. Я слышала, как псина царапала дверь снизу или стучала лапой по стене. Я оставляла дверь спальни открытой всю ночь, чтобы не слышать этого царапания о косяк, но звук все равно повторялся снова и снова.

Я просыпалась и продолжала слышать этот шум, так что вставала обойти кухню и ванную комнату, проверяя каждый уголок, хотя знала, что никого там нет. А когда засыпала вновь, наутро едва могла продрать глаза. Мне казалось, что я готова была весь день дрыхнуть. Так что по ночам приходилось особенно сложно.

Всегда найдется какой-нибудь идиот, который начнет рассказывать тебе о перерождении после смерти. Он скажет: умерший вернулся к тебе, скажем, в облике птицы, или ежа, или какого-нибудь другого существа, которое смотрит на тебя и ждет дальнейших перемещений, как будто в виртуальной комнате ожидания в зуме перед входом в рай, где все сидят в образах маленьких животных, дожидаясь разрешения войти.

Я вернулась в его дом забрать кое-какие вещи, но действовать пришлось быстро. Ассоциация домовладений хотела вернуть жилье себе. Там и забирать-то особо нечего было. Я сложила собачьи миски и всякую мелочь для Лестера в одну сумку, чтобы отнести ее Трогу, а вторую набила тарелками и посудой – моими, в которых я приносила отцу еду и которые остались у него. Взяла стоявшее на телевизоре фото мамы. Коробку с нашими документами. Среди свидетельств о браке и рождении лежала наша с Каролин школьная фотография, сделанная еще в началке. Дурацкие косички и кривые челки. Мне на этом снимке лет шесть, потому что

передних зубов нет, а вот у Каролин резцы уже выросли, причем с типичной кэртрайтовской щербинкой. Мы обе одеты в вязаные красные кардиганы и серые юбки. С виду – дети как дети.

По какой-то причине я представляла себя чудовищно толстым ребенком, уродливой эгоисткой, вечной заразной «сифой» в любой игре, плохой сестрой. Но теперь, глядя на фотографию, я удивилась, увидев двух обычных сестричек в одинаковой школьной форме, улыбающихся в камеру. Больше всего поразило сходство наших лиц. Я думала, мы будем выглядеть, словно существа с разных планет.

Это практически единственное, что сохранилось в моем новом доме от прежней жизни. Когда я переехала в новое жилье, у меня были лишь пакет кухонных принадлежностей из благотворительного магазина да пальто, которое вообще-то даже не мое – я спала на нем прямо на полу, – пока я не зарегистрировалась на «Отдам даром» и не оплатила доставку матраса. Теперь же квартира выглядит чудесно. Рядом с нашим школьным снимком стоит фото двоих сыновей Каролин. Если посмотреть на эту инсталляцию на комод, можно подумать, будто у меня нормальная семья. Будто я прямо перешла от наличия сестры к наличию племянников, и все это легко и играючи.

Отец хранил письмо, сообщающее, что Каролин поступила в школу Святой Марии, явно сперва смятое и потом разглаженное: видимо, отец швырял его через всю комнату. Даже конверт он сберег, хотя прочитать ни одно из писем самостоятельно не мог. Если бы я вдруг подумала, что он гордится ее поступлением, возможно, я бы сама захотела учиться там же. Однако он никогда ничего такого не показывал. Отец знал, что разные школы отдалят нас друг от друга.

Сумку с вещами из его дома я повесила на перила лестницы рядом с задней дверью. Заносить их наверх почему-то казалось дурной приметой. Однажды ночью, точнее под утро, когда я бродила по дому, пытаясь выяснить, откуда доносится собачья возня, вес всех этих мисок и тарелок наконец порвал сумку, содержимое вывалилось, упало на плитки и раскололось на мелкие куски. Тарелки и миски разбились, папина банка с пятипенсовыми монетами разлетелась вдребезги, монеты покатались по всему полу вперемешку с осколками посуды.

Собирая черепки, я ухитрилась порезать руку, хлынула кровь, да так, что забрызгала и фотографии, и все вокруг. Я пошла на кухню искать пластырь, залила кровицей и дверцы шкафа, и пластиковую аптечку, а когда привела руку в порядок, увидела, что заляпала заодно и собственную футболку, и всю кухню, и прихожую. Пришлось долго наводить порядок. Сперва я разложила фотографии на кухонном столе, оттерла их, а потом сложила всю разбитую посуду в газету и отнесла на помойку. И там, на мусорном баке, обнаружилась маленькая черная кошечка с белым пятнышком на морде. Она просто сидела и смотрела на меня. Чтобы открыть бак, пришлось прогнать кошку, и она аккуратно перешагнула с одной крышки на другую, наблюдая за мной, а потом вернулась на прежнее место, когда я все выбросила.

На следующий день я позвонила начальнику и отпросилась по болезни. Сказала, что всю ночь не спала, причем так оно и было. «Да? – спросил Эндрю. – А это точно считается болезнью?» Когда я снова встала примерно в полдень и выглянула из окна кухни, та маленькая кошка все еще сидела на баке и следила за мной. Я открыла заднюю дверь, кошка спрыгнула на землю, словно ожидала моего появления, и встала прямо на ступеньке, глядя на меня снизу вверх и ожидая следующего движения. Я принесла ей молока в блюдце. Кошка попятилась, подождала, пока я поставлю молоко, зайду обратно в дом и закрою дверь, а потом приблизилась к блюдцу и все вылакала.

Конечно, я не думала, что дух отца вернулся ко мне в образе бродячей кошки. Но кем бы эта зверушка ни была, она продолжала сидеть на моих мусорных баках, пристально глядя на входную дверь неделю напролет и ожидая, когда я вынесу ей еды, так что я, конечно же, сдалась и купила коробку кошачьего корма.

У нас никогда не было кошек. Все из-за отцовских собак: они бы задрали любую кошку моментально. Животинка напомнила мне плюшевых мишек, которые у нас с Каролин были в

детстве; мы тогда все еще жили в одной комнате и спали в одной кровати. Возможно, я связала две истории в одну только потому, что долго смотрела на наш школьный снимок именно тем вечером, когда во дворе появился котенок.

Однажды на Рождество мы обнаружили в подарочных носках двух черно-белых мишек, крошечных, которых можно повсюду носить с собой в кармане. У ее медвежонка был оранжевый бантик, у моего – зеленый, и стеклянные глазки того же цвета, что и бантики. Каролин назвала своего Пенни, а я своего – Пуфф, причем она сказала, что это не настоящее имя, но мне было все равно. Мы сделали домик для Пенни и Пуффа между подушками, накрыв его одеялом, и улеглись рядом, играя, будто медвежата беседуют друг с другом. Поцеловали их на ночь. Я все грызла ленточку Пуффа и совсем ее измочалила, а у Каролин Пенни была как новенькая.

Помню, однажды зимой ко мне с сообщением зашла тетушка Кэтлин. Все женщины с нашей улицы считались тетушками, даже если родства никакого не имели. Она жила по соседству, но не имела никакого отношения к нашей семье. Может, она поддерживала связь с моей сестрой, не знаю. Помню, как она протолкнулась в приемную химчистки. Огромная дама, такую не пропустишь. Она облокотилась на стойку – я во все глаза глядела на ее пухлые руки с ямочками на костяшках пальцев, в которые кольца впились так глубоко, что никто и никогда не сможет их снять. Она тяжело пыхтела.

– Я уже все рассказала твоей Каролин, – сказала она, отдышавшись, – так что можешь не беспокоиться. Она будет только рада, что этого улюбка больше нет.

Ответить мне было нечего, и я промолчала. Затем она с видимым усилием выпрямилась, оттолкнувшись от стойки, и протиснулась в дверь обратно на улицу. Я уже сто лет не видела, чтобы она выходила из дома.

Она не пришла на похороны, моя сестра. Хотя я особо и не ожидала. В глубине души я надеялась, что она появится, поэтому хотела и одеться поизящнее, и сделать все как положено. Думала, если она придет, то лучше бы мне выглядеть прилично. Больше мне ни на кого не хотелось производить впечатление.

Хотя я была даже рада, что она пропустила сами поминки. После крематория все собрались на ужин в клубе, и каждое блюдо на столе было бежевого цвета. Бежевые сосиски, бутерброды, чипсы, пирожные. Я даже открыла пару бутербродов, проверяя, нет ли внутри кусочков помидора или салата, которые разбавили бы эту однотонность. Но никто вроде бы не возражал. Правда, присутствовали в основном мужчины. Женщин почти не было. Только барменши и некоторые жены друзей отца. Совсем мало. Меня не смущало такое количество бесцветных продуктов и рассказов о драках, но перед женщиной мне было бы стыдно. Особенно перед сестрой.

Когда все закончилось, я поняла, что весь вечер подсознательно надеялась увидеть ее. Так я могла бы спросить: раз его больше нет, можно попросить твой адрес? Можно присылать тебе праздничные открытки? Только вот теперь ей совершенно незачем сюда возвращаться, подумала я. Она отстранилась от отца, а теперь окончательно отстранится и от меня.

Когда-то в детстве мы играли в игры типа прятков, «выше ноги от земли» и в «сифу» – бросались друг в друга грязной тряпкой или еще какой-то пакостью. Обязательно начинали со считалочек, чтобы определить, кому выпадет роль «сифы». Это было даже важнее самой игры. Иногда на выбор водящего мы тратили столько же времени, сколько на саму игру. Потому что никому не хочется быть «сифой». Если тебя выбрали, ты становишься разносчиком гадости, швыряешься чем-то «заразным», и все пытаются держаться от тебя подальше. Потом новый расчет, ведущий меняется. Но в нашем доме никто не пользовался считалочками, и в итоге таким носителем заразы оказалась я. Именно ею. «Сифой».

Кэтлин никогда не заходила в наш дом. Детям своим тоже запрещала бывать у нас. Один раз я увидела, что ребята играют возле нашего двора, и выскочила наружу: «Можно с вами?»

Все сунули руки в карманы и такие: ну ладно. Ну давай, а во что? Пришлось придумывать новую игру и считаться заново. Я так понимаю, до моего появления они по очереди подбегали к нашему дому, касались его стены и потом ловили друг друга. Вероятно, «сифой» был сам дом.

Кэтлин зашла к нам только однажды, когда умерла мама. Дверь она оставила открытой. Помню, как она сказала: «Погоди. Я иду», – и сняла фартук, потому что дело было серьезным. Мы вошли через заднюю дверь, мама лежала на полу кухни, а Кэтлин произнесла нечто вроде: «Нет, Стеффи, дверь не закрывай, так лучше», хотя на дворе стоял декабрь. Мама как раз взвешивала сухофрукты для рождественского кекса, стол был завален изюмом и курагой.

Открытая дверь вроде как была связана с обычаем выпускать духов. Считается, что нельзя закрывать дом, где лежит покойник, его душа должна выйти. Остановившись в дверях, Кэтлин вздохнула и перекрестилась. Возможно, это тоже было сделано ради духа. Или, может, потому, что это был наш дом, куда никто не осмеливался зайти.

Много лет назад со мной в баре клуба работала одна девушка, точнее, мы дежурили по очереди и раньше не попадали в одну смену, и она сообщила, что знакома с девчонкой, которая встречалась с младшим сыном Кэтлин до того, как тот ушел в армию, и эта подруга ей рассказывала, что Кэтлин якобы говорила: мол, не моя вина, что я такая какая есть, потому что детство у меня было тяжелое.

– Что это значит? «Такая» – это какая? Что во мне такого прям капец странного?

– Ну, ты живешь одна, и все это так как-то... – Девушка внезапно потеряла нить разговора и срочно засобиравшись на склад за сиропами. Но я не собиралась отпустить тему.

– Как-то что? Типа, я странная, потому что еще не нарожала толпу детей, как эта твоя знакомая? Я странная, потому что умею предохраняться, или как?

– Вот именно это я и имела в виду, – ответила она. – Ты иногда что-нибудь как скажешь...

– Лучше вали за этими сраными сиропами, – отрезала я. Она пробормотала: «Ей-богу, странная», – и нырнула в погреб, а я захлопнула дверцу и оставила ее в темноте минут на тридцать. Еще и специально прошлась туда-сюда по люку, чтобы погрохотать как следует. Сучка наглая.

И пока я запирала ее внизу и топала, пугая ее, мне хотелось задать только один вопрос: кто именно сказал, что это не моя вина? Чьи это слова? Кэтлин? Значит, Кэтлин вовсе не ненавидит меня? Могу ли я пойти поговорить с ней об этом? Станет ли она со мной общаться? Или убежит, как от «сифы»?

Был еще один человек, который мог бы рассказать мне о моем детстве, если бы я знала, где этого человека искать. Она тоже не явилась на похороны, что неудивительно. У отца была единокровная сестра, моложе его на десять лет – получается, моя полутетя. Приходила к нам однажды, когда мне было восемь лет. Я точно помню, что мне было восемь, потому что до этого момента мы никогда ее не видели, и она спросила меня: «Так ты кто будешь? Младшая?» А я ответила: «Да, я Стефани, мне восемь лет». Назвала полное имя, потому что видела ее впервые и чувствовала, что должна подтвердить свою личность.

Я пришла из школы, а она стояла у нас в кухне. Представилась тетушкой Луизой, папиной сестрой, чему я не поверила, потому что, будь это правда, я бы познакомилась с ней раньше, или от нее приходили бы поздравительные открытки и новогодние подарки. На ней было ярко-зеленое пальто. Я и не догадывалась, что пальто может быть зеленым. Я думала, пальто бывают только коричневыми, серыми, черными или синими, для школьников. Туфли ее были ярко-красными и остроносыми. Губная помада красная, брови подведены карандашом, ногти розовые. Я вообще ни разу не видела такой палитры цветов одновременно на одном человеке.

Еще одно шокирующее событие заключалось в том, что она курила. Курить в нашем доме было категорически запрещено. Папа сворачивал самокрутки дома, если шел дождь, но курить все равно выходил на крыльцо, плотно прикрывая за собой дверь. Однако гостя спокойно курила прямо посреди кухни. У сигареты вокруг фильтра шла золотистая полоса, а когда она

затушила ее в блюдечке, на краю отпечатались губная помада. Помимо прочего, выглядела тетя раздраженной.

– Ну и где он? – спросила она. – Я же заранее ему написала, когда буду. Что мне, битый час его ждать?

– Он ведь не всегда знает, в какую смену его поставят, – неуверенно начала мама.

Я было села за стол, когда пришла, но поняла, что сижу здесь только я, и мне стало неловко, так что я встала опять. Мать незаметно сунула мне фунт и велела сходить за каким-нибудь приличным печеньем, поскольку неожиданно нагрянули гости, а дома шаром покати.

– Он что, даже не сказал, что я приеду? – возмутилась Луиза. – Он хоть получил мое письмо?

– Честно говоря, понятия не имею, – призналась мать. – Чайку попьешь? Поставлю чайник.

Я побежала через задний двор и переулок к магазину и купила шоколадного печенья. Можно было выбрать солодовые молочные коржики и оставить себе сдачу, но я чувствовала, что дома происходит что-то важное, и решила, что стоит взять лакомство получше.

Я вернулась с пакетом, сразу открыла его и начала предлагать угощение, но мама достала тарелку, чтобы выложить печенье. Обе так и не присели, а тетя Луиза снова закурила. Мама стояла у открытой двери и размахивала полотенцем, разгоняя дым, но делала это вежливо: то есть сперва махала, а потом комкала полотенце в руках или прятала за спину. Видно было, насколько она беспокоилась о запахе дыма, прикидывая, что скажет папа. И еще она постоянно оглядывалась на заднюю дверь – я догадалась, что мама высматривает во дворе соседку, Кэтлин, чтоб попросить помощи.

Луиза отказалась от предложенного печенья, зато попросила два куса сахара в чай и выпила его стоя, продолжая держать сигарету в другой руке. Потом она показала сигаретой на меня и сказала: «Итак, ты Стефани. А где твоя сестра?» Я уже успела схватить два печенья, понимая, что как только гостья уйдет, сладкое уберут, поэтому спешила насладиться ими, пока не поздно. От ее вопроса у меня мгновенно пересохло в горле, вся слюна впиталась в непрожеванные крошки, горло сдавило, и мне ничего не оставалось, кроме как выплюнуть огромный кусок сухой, твердой, невыносимой выпечки. Живот свело судорогой, словно он тоже заполнился сухим, плотным, жестким печеньем, подступающим к горлу. Женщина обратилась тогда к матери:

– А она где? Каролин, верно?

Мать принялась нервно мусолить полотенце круговыми движениями, скручивая его все туже и туже.

Вопрос был из ряда вон. На него было не только невозможно ответить – его было невозможно даже услышать. Я вроде как слышала слова, но смысл их уловить не могла. Мама раскрыла рот, но смогла только повторить вопрос сдавленным шепотом, словно впервые услышала иностранный язык и не имела представления, что означают эти звуки. У меня в голове тревожно загудело, я выбежала через заднюю дверь и выплюнула остатки печенья в мусорку. Желудок болел, словно меня ударили в живот.

Я решила оставаться снаружи, подальше от вопроса. Мама же застыла в открытом дверном проеме, нервно крутя полотенце и беспомощно озираясь. Возле яркой тетки мама казалась маленькой серой тенью. Я даже подумала, может, гостья вовсе ненастоящая.

– И? – повторила Луиза. – Где же Каролин? Я просто хотела поздороваться. Я же не инквизитор. – Она подняла свою сумочку с пола, вытащила две пятифунтовые купюры и положила их на стол под пустую чайную чашку. – В общем, это девочкам, – заявила она, а потом обернулась в мою сторону. – Итак, ты, Стефани, проследишь, чтобы твоя сестра получила пять фунтов, ровно столько же, сколько ты, все по-честному.

Мой живот продолжал мучительно сокращаться, словно хотел вырваться наружу. Я даже забеспокоилась, успею ли добежать до туалета.

Перед уходом Луиза посмотрела на меня, как я корчусь во дворе, а мама все крутила полотенце и беззвучно открывала и закрывала рот, не в состоянии произнести ни слова. Тогда тетка сказала:

– Не понимаю, что здесь творится, но явно что-то ненормальное.

Я сразу мысленно услышала голос отца: «Послушайте, мисс Ярко-зеленое Пальто и Стремная Помада. Кто бы говорил, что нормально, а что нет!»

Затем она изящно прошагала по саду в своих остроносых туфлях, а я вышла из уборной и обнаружила, что мама мечется по кухне, размахивая полотенцем и гортанно попискивая. Те пять фунтов я больше в глаза не видела. Вряд ли тетя Луиза хоть раз вернулась.

Спроси меня кто-нибудь через сутки, кто была та посетительница в зеленом пальто, я бы ответила: «Какая посетительница? Вы о ком?» Она была нереальным персонажем. Говорила невозможные вещи, задавала необъяснимые вопросы и не понимала, почему никто не смог ей ответить. Следовательно, очевидно, что ее вообще никогда и не было, верно?

Верхний этаж и розовая краска

Если клиенты забывали забрать вещи после химчистки, мы убрали их на отдельную вешалку в кладовке. Спустя некоторое время мы могли взять что-то из этой одежды себе, а оставшуюся отдавали на благотворительность. Обычно у нас забывали свадебные наряды, которые никто больше не наденет, яркие комплекты, в которых вряд ли кого-то станут хоронить. Были и траурные костюмы, чаще женские, потому что у мужчин обычно всего один костюм – для похорон и судебных заседаний. Их периодически забирали.

Я решила посмотреть в кладовке, не найдется ли там чего подходящего для похорон, но увы – полка недавно опустела. Единственной одеждой шестнадцатого размера оказался розовый брючный костюм. Поэтому я сделала то, что сделала бы любая обычная сотрудница химчистки: взяла одну из сданных в чистку вещей. Это был темно-серый классический шерстяной ансамбль с едва заметной полоской и бледно-серая рубашка из смесового шелка с широким воротом. Штаны оказались чуть длинноваты, но я могу надеть каблуки. Купила упаковку краски для волос и была в принципе готова идти дальше. Еще мне повезло, что клиентка забыла серьги в кармане пиджака: каплевидные жемчужины в серебряной оправе – очень изысканные.

Разумеется, если бы я задумалась, то поняла бы, что люди, имеющие целый склад темных костюмов и соответствующих блузок, скорее всего связаны с похоронным бизнесом. Да, в конце дома есть контора под названием «Люди в черном», и там работает довольно много женщин. Таких женщин, чей офис расположен всего в трех магазинах от престижной семейной химчистки, в которой работаю я. Однако костюм не принадлежал сотруднице похоронного бюро – он принадлежал регистраторше, которая проводила церемонию кремации. Я могла бы выкрутиться, сказав, что любой может купить такой костюм в магазине, их же продают не только похоронным агентствам. Но серьги – как выяснилось позже – были подарком на годовщину свадьбы и стоили кучу денег.

Я не могла понять, почему она сверлит меня взглядом всю церемонию. Думала: послушайте, вы ведь должны излучать тепло, сочувствие и нести все это дерьмо о вечной жизни, а не просверливать во мне дыру. К ее чести, она не стала обвинять меня прямо на церемонии и публично разоблачать. Проявляла профессионализм. Она просто позвонила в химчистку и поговорила с Эндрю. И когда я на следующий день вошла через заднюю дверь с фирменным пакетом химчистки, где лежал как раз этот самый костюм, отпираться не имело смысла. К тому же подлая кобыла даже сфотографировала меня на телефон.

Ситуация и так была не очень, а я, как обычно, ее еще и усугубила, заявив: «Если бы нам платили достойную зарплату, мы могли бы позволить себе приличный костюм для похорон родителей, жадная ты жопа». Он ответил что-то о том, что одежда будет дешевле, если не покупать ее в отделе больших размеров, и я влепила ему знатную пощечину. Хуже всего было то, что он неделю назад установил камеры видеонаблюдения, причем по совершенно идиотской причине, связанной с его любовью к гаджетам и шпионажу за сотрудниками на перекуре. И теперь, похоже, мне понадобится еще один сраный костюм для суда по делу об избиении.

А потом он повернулся, я увидела отпечаток моей ладони на его лице, и он ухмыльнулся. «Поймал», – подумала я. А на случай, если записей с камер и присутствия коллег, стоявших позади меня, окажется недостаточно, он быстро достал телефон и сделал селфи. Он даже не потребовал, чтобы я собирала манатки и валила отсюда – он просто набрал номер полиции, глядя мне прямо в глаза, и заявил, что на него напали.

Позади меня стояли двое сотрудников. Я положила пакет с одеждой на стол, аккуратно поместила сверху конверт с серьгами, застегнула пальто и приготовилась уйти. Все происходило как в замедленной съемке. Я прошла через заднюю дверь, мимо Сю, которая закуривала

последнюю сигарету перед работой, и она спросила: «Стеффи, тебе свернуть?», – но я лишь пожала плечами и ушла. Я знаю, что от человека, который выдвигает против тебя официальное обвинение, следует держаться подальше. Также известно, что после такого увольняют, хоть сообщая в полицию, хоть нет. А Эндрю явно с удовольствием доложил об инциденте.

Я добралась домой, обнаружила, что в квартире холодыга, и принялась расхаживать из комнаты в комнату, дожидаясь звонка из полиции. Курила и пила чай, чтобы хоть руки согреть. Последующие дни прошли как в тумане: я мало выходила из дома, ела залежалую еду, оставшуюся после поминок, в конце недели на счет капнула зарплата, денег оказалось мало. С меня вычли за несколько дней, которые я пропустила после инцидента с Эндрю, а также за день похорон и те полдня, когда я занималась организацией ужина в клубе. Предыдущая неделя тоже прошла не очень: я несколько раз отпрашивалась, чтобы сходить в ЗАГС, позвонить в жилищный кооператив или заняться всякой бюрократической ерундой, которая требуется после смерти близкого человека – все это в рабочие часы. Эти дни даже не зачли в счет отпуска, не говоря уже о праве на оплачиваемый выходной по семейным обстоятельствам.

Полагаю, в это трудно поверить после того, что я отмочила в адрес менеджера, но я так-то не дура. И я знаю, что можно пожаловаться на подобное обращение. А еще я знаю, что процесс очень долгий, и, к сожалению, человек с меньшими средствами обычно проигрывает суды людям с деньгами. Пока ждешь решения, можно умереть с голоду, а богатые и влиятельные могут ждать сколько угодно.

Короче, я ходила по квартире, размышляя, по каким ее уголкам я буду скучать сильнее всего, когда не смогу вовремя оплатить проживание и окажусь на улице. Оказалось – по всем. Я искала жилье и сталкивалась с тем, что почти все варианты, предлагаемые агентами, – это групповые просмотры, когда двадцать отчаявшихся человек борются за единственную доступную квартиру, какой бы дырой она ни оказалась на поверку, и снимает ее тот, кто первым выложит наличкой полную стоимость плюс залог. Бывало, что я приезжала к назначенному времени, а жилье уже сдано. Обычно никто не заморачивается и не предупреждает – приходишь только поцеловать закрытую дверь.

В настоящее время я живу в реабилитационном хостеле, откладываю залог, стараюсь вовремя отмечаться по УДО и вести законопослушный образ жизни. Недавно я узнала, что над парикмахерской Морин, с чьей сестрой дружила моя мама, сдаются комнаты. Морин не могла сдавать помещения в субаренду, и была готова отказаться от залога, если меня устраивало ходить через салон и не слишком засирать ее мусорные баки.

После ремонта у Морин осталось много розовой краски, и она отдала ее мне. Я спала в передней комнате и держала шторы закрытыми, чтобы снаружи казалось, будто там никто не живет. Задняя комната постепенно превратилась в кухню, когда я обзавелась столом и стульями из благотворительного мебельного магазина Красного Креста, а потом микроволновкой, чайником и тостером.

Обе комнаты пахли составом для завивки и шампунем – там хранились коробки с этим добром. Мне нравился их запах. Он был каким-то чистым. Время от времени Морин или ее подруга приносили какую-нибудь вещь, которую собирались выбросить, – то комод без ручек, то кресло. Я затащила вверх по лестнице старый холодильник, просушила его, вставила новый предохранитель, и большую часть времени он работал нормально. Верх холодильника весь проржавел, поэтому я нашла кусок доски и положила сверху.

Вид из окна сзади оказался не особенно приятным. Там были главным образом аллеи, мусорные баки и низкие крыши подсобных помещений, но меня это не волновало. Я поставила стол к заднему окну и сидела там, в этой розовой комнате, вдыхая горький аромат химии для волос и сладкий дух яблочного шампуня, представляя себя долбаной Царицей Савской, обладательницей тостера и чайника, стоящих на старом коричневом пластиковом буфете, который больше никому не был нужен.

Каждый вечер пятницы я платила наличными, и пока внизу работала Морин, никаких документов мы не подписывали. Но когда помещение занял маникюрный салон «Ники», мне сказали, что я могу остаться, но только если они обустроят полноценную душевую и повысят арендную плату согласно официальному договору. Это означало, что переднюю комнату освободили от коробок, а кухня стала меньше, потому что туда поставили перегородку новой душевой, но я была так рада остаться, что меня все устраивало. К тому же к этому моменту я зарабатывала побольше денег в химчистке. Домовладельцам пришлось оборудовать эвакуационный выход и зарегистрировать меня для оплаты муниципального налога, но даже удвоенная цена оставалась низкой.

Я прожила там всего несколько недель и только-только успела повесить темные тяжелые бархатные шторы, найденные в благотворительном магазине, когда однажды утром проснулась и увидела узкую щель между шторами вверх, а потом – всю улицу, каким-то образом отображающуюся в перевернутом виде на стопке картонных коробок у стены. Я видела прохожих, идущих вверх ногами и в противоположном направлении. Видела перевернутые уличные фонари и дома. Наблюдала, как собака вышла из-за двух рядов напротив и прошла вдоль садов, пописав на стену. Просто поразительно.

Это называется камера-обскура. Люди платят деньги, чтобы попасть внутрь нее. А моя квартира превращалась в такую камеру всякий раз, стоило мне только захотеть. Все, что нужно было сделать, – слегка раздвинуть шторы и дожждаться восхода солнца. Как будто обстановка специально создавалась именно так, чтобы меня порадовать. Направление солнца, плотность штор, экран для проекции, сделанный из коробок с шампунями и средствами для химической завивки, по счастливой случайности образовавшаяся щель вверх возле карниза. Мое внезапное пробуждение в самый подходящий момент, когда все встало на свои места. До этого момента я никогда не верила в совпадения. Во всяком случае, в приятные. Но я вцепилась в тот миг, когда квартира словно ожидала моего пробуждения лишь для того, чтобы подарить мне радость. И у нее получилось.

Кусочек сахара

У меня хорошая память. Я с первого раза сдала все тесты в химчистке, при том, что некоторые знания требуют определенных технических навыков. Могу сказать вам, какие детские телепередачи шли по вечерам, когда я училась в школе, и что показывали на шоу Top of the Pops, когда мне впервые разрешили посмотреть его поздним вечером в 1974 году – это была песня Fancy Pants Кенни. Но если спросите, где тогда была моя сестра, где она сидела, во что была одета, что говорила, – понятия не имею. Она почти отсутствует во всех моих воспоминаниях о доме. Даже у бабы Мари я ее не могу представить – ни в доме, ни даже в автобусах по дороге туда и обратно.

Я могла бы нарисовать карту задней части дома бабы Мари. Прямо рядом с дверью лестницы вплотную к стене стоял наполовину сложенный кухонный столик с зеленой скатертью, а поверх лежала белая, вышитая, бабушка сама ее сделала, купив на рынке специальный набор для вышивания, с заранее размеченными цветами. За столом стояло три стула, а четвертый, который мы доставали, если раскладывали столик, находился в гостиной, куда мы практически не заходили, поскольку там было холодно.

Под окном стояла кушетка с бело-розовым вязаным покрывалом на подлокотнике, которое бабушка накидывала себе на колени. У маленького столика рядом с креслом всегда лежала корзинка для рукоделия, где она хранила свои «нитки» – наборы для вышивания, вязание или штопку. Она постоянно что-то делала руками, чтобы занять себя. Еще там был коричневый керамический электрокамин, а на полочке над ним стояли три бледные фарфоровые фигурки с плоскими пустыми лицами, мужчина и две женщины, которых бабушка называла гостинцами, потому что раньше такие продавали на ярмарках.

По воскресеньям я обычно сидела за столом на одном и том же месте рядом с мамой. Если бы Каролин была с нами, мы бы, разумеется, сидели вчетвером. Кто-то должен был принести последний стул из зала и отодвинуть стол от стены. Но я не помню, чтобы такое случилось. На столе стояли вареные яйца, консервированный лосось или ломоть ветчины, блюдо с маринованными огурцами и помидорами, свежий хлеб и кружка с торчащим пучком сельдерея. Затем подавались булочки с джемом или пирог.

Где Каролин садилась? Что ела? Какие блюда предпочитала? Я мысленно восстанавливаю комнату по частям и размещаю людей на мизансцене. Бабушка приносит еду на стол, развязывает и снимает фартук, достает чайник последним, снимает сетку с горлышка молочного кувшина. Мама сидит вот здесь, рядом я, а дальше что? Стена, чуть вздутые обои с волнистыми линиями. Мятная зелень краски. Выпуклый бок дымохода. Три «гостинца» стоят ровным рядом, повернув вперед свои плоские простоватые лица, словно они совершенно не знакомы друг с другом, хотя и провели всю свою жизнь вместе на той узкой полочке.

Хотя кое-что я помню, пусть и немного. Однажды – это было дома – я шла в гостиную, и еще до того, как успела открыть дверь, поняла, что внутри находятся люди, потому что в двери было фактурное стекло, и сквозь него виднелись движущиеся фигуры, как в калейдоскопе. Я тут же передумала заходить и попятилась. Я едва-едва приоткрыла дверь, но мне тут же стало стыдно и страшно, поскольку то, что происходило за дверью, видеть было явно не положено. Однако дверь выскользнула из моей руки, мне пришлось придержать ее ногой и закрыть, и в этот момент я увидела сестру: та лежала на полу, свернувшись в клубок и закрывая руками голову, а отец стоял над ней и пинал ногами. Она не издавала никаких звуков.

Я помню, как на меня нахлынул стыд и как горели ладони, когда я как можно тише захлопнула дверь и отвернулась. Увиденное стерлось из моей головы практически мгновенно. Помню, как в висках давило, как дверная ручка скользила в ладони и как я торопилась закрыть дверь. Потом – ничего. Не знаю, когда позволила себе вспомнить об этом вновь. Прошли годы.

Но вот оно, как отбитый черепок на дне ручья: его достаешь из воды и узнаешь рисунок, знакомый с детства, один крошечный фрагмент, связанный в памяти с обеденным столом. Маленький кусочек, но узор угадывается безошибочно. Ты смотришь на отколотый треугольник и помнишь, как выглядела целая тарелка. И думаешь: как я так годами ходила мимо этого ручья, и черепок лежал на виду среди гальки, мусора и сорняков; нужно было только посмотреть вниз и увидеть его. Но я не смотрела.

Я не могу датировать это воспоминание. Ручка двери находилась примерно на уровне моей головы, и мне было трудно поворачивать ее. В передней комнате еще не было сушилок. Должно быть, мне было меньше восьми лет, когда мама начала брать стирку и передняя комната использовалась исключительно для сушки белья. Отец примерно тогда перестал работать на фабрике печенья, и маме пришлось искать работу. Чаще всего она бралась за глажку, но иногда приходилось заниматься и стиркой. Глажение оплачивалось лучше – за каждую вещь, а не за общий объем стирки, – и потребляло меньше электроэнергии.

Отец жаловался на запах утюгов, на стойки и корзины в передней комнате, на постоянное откладывание пятидесятипенсовых монет, чтобы оплатить прачечную. Говорил, что такими условиями мужчину выживают из собственного дома. Тогда он отправлялся в клуб. Мама никогда не отвечала ему. Даже не оборачивалась. Она продолжала вынимать рубашки из корзины, расправлять воротники и резко дергать рукава от плеча до манжет, потом обратно к воротнику, чтобы начать заново. Сначала воротник, плечо, рукава, манжеты, полочки, затем спина. Потом на вешалку. Следующая рубашка. Мне нравился мыльный пар, кисловатый лимонный оттенок исходившего от рубашек пота, остающегося даже после горячей стирки. Мама научила меня утюжить. Всякий раз, когда ей нужно было заняться чем-то другим, например, приготовить чай, я занимала ее место у гладильной доски.

Мама часто бывала у Кэтлин. Утром одалживала молоко. Они вывешивали белье одновременно, чтобы поговорить. Если они видели, что я слоняюсь поблизости и прислушиваюсь, то замолкали. Поэтому я еще старательнее прислушивалась к их беседам. Большинство разговоров было довольно скучным. Что приготовить на ужин. Успеют ли простыни высохнуть до дождя или будут висеть на веревках всю неделю. Что мальчишки Кэтлин натворили в школе. Чем занимается ее муж на огороде. Есть ли у нас лишние яйца. Когда они замечали меня, то сжимали губы и слегка качали головами в моем направлении. «Эта» – так они меня называли. Опять эта пришла, уши развесила.

Отец был Сам, а Каролин звали Твоя Девочка.

– Я слышала, Твоя Девочка поступила в школу Святой Марии. Ну и как теперь вы собираетесь ее обеспечивать? Там нужны учебники и разные принадлежности, обувь для улицы и сменка, хоккейные гольфы и бог знает что еще. Я слышала, соседские девочки тоже собирались поступать, но – близнецы, родители просто не потянут.

– Я опять слышала Твою Девочку прошлой ночью. Как же ему не стыдно! Ах да, я отложила тебе порцию картофельного пирога с сыром. Заскакивай вечером.

Мне нравился пирог Кэтлин с картошкой и сыром. Я его уже пробовала. Она вилкой делала картофельные пики, а затем запекала в духовке до золотистой и хрустящей корочки. Я оставляла эту корочку напоследок и ела руками. Кэтлин вообще очень вкусно готовила. Она пекла гигантские йоркширские пудинги и нарезала их квадратиками, заливая сверху луковой подливкой. Готовила рисовую кашу, которая долго томилась в нижней духовке, пока не приобретала кремовый розоватый оттенок, и когда съедали содержимое тарелки, к стенкам прилипало все самое вкусное, и эти комочки можно было снять ножом.

Как только она упомянула сырный пирог с картофелем, я стала думать только о еде. Почти пропустила то, другое, о чем она сказала. Или почти сказала. И это было самое внятное, что я когда-либо слышала о Каролин.

Меня беспокоило одно обстоятельство, связанное с этим событием, – фраза «Я слышала твою девочку». Потому что, когда отец ее бил, она не издала ни звука. Значит, это продолжалось постоянно, иначе зачем переставать плакать? Ты плачешь, только когда это бывает всего раз.

Но что, если звуки были? Звуки, которые тетя Кэтлин слышала в своей спальне по соседству? Означает ли это, что моя сестра ежедневно кричала о помощи на протяжении шестнадцати лет, а я абсолютно не сохранила воспоминаний об этом? Означает ли это, что мне удалось удержать один маленький фрагмент памяти, мгновение реальности, как немое кино, но я совершенно исключила саундтрек?

Моя сестра не всегда была невидимой. Иногда она возникала на периферии моего зрения, и тогда можно было безопасно глядеть на нее несколько секунд. Но редко. Мы ходили в одну начальную школу, значит наверняка ездили на одном автобусе на уроки плавания, подпевая радио, или играли на одной площадке на переменах. Игнорировать братьев и сестер в школе – это совершенно нормально.

Во время обеда было не обязательно идти играть на улицу. Кто хотел, мог отправиться в библиотеку. Там, конечно, полагалось читать книги, но если будешь тихонько писать или рисовать, никто не станет возражать. Я никогда не ходила в библиотеку, потому что после обеда на игровую площадку выносили игрушки. Были «кузнечики», ходули, кольца и скакалки. Если пообедать очень быстро, можно успеть захватить ходули. «Кузнечики» были ржавые и никуда не годились, поэтому мы притворялись, что это мотоциклы, и таскали их по асфальту. А Каролин, наверное, уходила в библиотеку.

А еще к нам однажды на весь день пригласили учителя по искусству. Все классы смогли с ним поработать, начиная с младших. Он принес необычные краски для изготовления мраморной бумаги и палочки, из которых можно было строить разные штуки. У него была огромная коробка из картона, полная всяких предметов, которыми мы никогда раньше не пользовались. Учитель был совсем молод, носил огненно-рыжую бороду и каждый раз, залезая обеими руками в коробку и доставая оттуда что-то новое, он улыбался и смеялся, словно все это задумывалось как развлечение.

В классе моей сестры он попросил каждого выбрать слово, и ученики должны были создать иллюстрацию выбранного слова, используя любые предметы из коробки. Сам учитель сделал слово LEGO из деталей конструктора LEGO. Моя сестра выбрала слово «лошадь», вырезав лошадей, сбрую и поводья из журналов и дорисовав детали маркерами. Рыжебородый учитель был в восторге от этой лошадиной картинки и принес ее к нам в класс показать, какой замечательный рисунок создала ученица четвертого класса начальной школы. Несмотря на то, что разница в возрасте между нами – чуть больше года, Каролин была на два класса впереди меня, так как родилась летом, а я осенью. Он встал перед классом, держа картину на уровне груди, а его взволнованное лицо сияло прямо над ней. Нам полагалось прервать занятия и восхищаться.

Я сидела рядом со своим бойфрендом Саймоном Картером. Он был бойфрендом всех девочек в классе в тот год, потому что остальные ребята не хотели дружить с девчонками, а Саймон – запросто. Но я оказалась рядом с ним благодаря алфавитному порядку рассадки учеников – Картер, Картрайт, – и другие девочки бросали в меня бумажные шарики, потому что он рисовал сердечки шариковой ручкой на тыльной стороне моей ладони, и девчонки страшно ревновали.

Саймон подталкивал меня и уговаривал посмотреть – дескать, преподаватель принес картинку, нарисованную моей сестрой, и рисунок просто отличный. Нет, даже не так: он назвал его удивительно детальным и точным. Я подняла глаза на секунду и увидела изображение лошади, заметила упряжь и сбрую, да и морда выглядела прекрасно. Саймон хотел, чтобы я продолжала смотреть, и все пихал меня, повторяя: «Посмотри, что твоя сестра нарисовала. Она так круто

рисует». Я снова подняла взгляд и попыталась сосредоточиться на происходящем, но покраснела и мечтала только, чтобы этот учитель ушел.

Однако Саймон Картер не умолкал. Он прицепился с вопросами. Много ли у моей сестры хороших рисунков вроде этого? Рисует ли она дома? Может, попросить ее нарисовать для него один, чтобы, когда она прославится, он мог похвастаться рисунком, выполненным ею в школьные годы, и появиться на телевидении, и стать миллионером? Или, если у нее дома полно рисунков на стенах комнаты, не могла бы я взять для него какой-нибудь, если она не особо им дорожит. Пока он говорил, я чувствовала какое-то покалывание, какое-то жужжание в области виска, и когда он произнес «стены комнаты», я вломила ему кулаком в нос.

После этого меня исключили из алфавитного порядка рассадки, и я должна была сидеть отдельно в конце класса, швыряя бумажные шарики в девочку рядом с Саймоном Картером. А еще я нарисовала череп и кости на своей ладони. Очень детально и точно.

Хнык-хнык, ме-ме-ме

В детстве я дралась нечасто, вы не думайте. Одна из последних драк случилась незадолго до окончания начальной школы. Тем летом у меня появился велосипед. Папа привез его домой из клуба – вероятнее всего, выиграл у кого-то. Именно отец научил меня кататься на велосипеде, бегая за мной, поддерживая за седло и рассказывая историю изобретателя педального велосипеда. Он утверждал, что это открытие полностью изменило жизнь рабочего человека. Теперь можно было добираться на работу на гораздо большие расстояния. Он говорил: «Ты только вдумайся, Стефи, это же гениально! Если бы ты никогда не видела, как кто-то едет на велосипеде, тебе бы даже в голову не пришло, что такое возможно. Как это вообще можно было придумать? А потом, когда получилось – осознать, что каждый может повторить то же самое. Каждый. Гениально», – говорил он. Каждый раз, отпуская седло и позволяя мне пару раз крутануть педали без поддержки, он повторял: «Гениально», – и хотя я знала, что он имел в виду изобретателя, создавалось впечатление, будто он обращается ко мне лично.

А потом, однажды в воскресенье, когда я возвращалась из парка, какой-то мальчишка швырнул мне под колесо палку и попал в спицы, так что я полетела кувырком, ободрав локоть и половину лица. Рядом с ним на заборе сидела целая компания пацанов, большинство из них было намного хуже того парня, который бросил эту деревяшку. Вероятно, они подговорили его. Он был из тех, кого просто используют для грязных дел, – вечно болтался с краю группы и не знал, куда деть руки.

Щебень больно впивался мне в щеку, одну ладонь я ободрала в мясо и поэтому зажала ее между бедер, а эти парни слезли с забора и начали скандировать: «Драка! Драка! Драка!» Они ждали, подниму ли я велосипед и уйду домой или устрою потасовку. Возможно, они даже на это поспорили. Заднее колесо велосипеда медленно крутилось – тик-тик-тик – щелкая маленькими пластиковыми клипсами, которые крепились на спицы для украшения; такие можно найти в пакетиках хлопьев. Я смотрела, как колесо вращается, подумывая просто поднять велосипед и уйти, пока они смеются надо мной, но к глазам подступили слезы, я передумала и набросилась на того мальчишку. Его звали Дэзи.

Когда я первый раз ударила его, он еще держал руки в карманах и от удивления даже открыл рот. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы осознать происходящее: эта девчонка только что саданула его в челюсть. Пока он колебался, я нанесла второй удар, и его голова откинулась назад, а зубы сомкнулись с громким «кляц». Затем он набросился на меня, размахивая кулаками беспорядочно и яростно, и успел подбить мне оба глаза; мы оба кружили вокруг моего велика, выкрикивая: «Ну, давай!» и «Валяй, раз ты такой крутой!» Затем вся банда прекратила скандировать «Драка!» и просто ушла прочь, пиная все, что попадалось под ноги. А Дэзи, прежде чем уйти, с размаху прыгнул обеими ногами на мое заднее колесо, отчего оно согнулось, и мне пришлось тащить велосипед домой на себе.

Несколько дней обо мне говорили как о девочке, избившей Дэзи Моргана. Примерно через неделю я стала девочкой, избившей несчастного Дэзи Моргана, который никому ничего плохого не сделал и вообще после смерти младшей сестренки изменился до неузнаваемости. Такая славная была девочка – совершенно в голове не укладывается, ужасная болезнь. И я тоже видела ее. Видела, как светлая малышка угасала, сидя в коляске, как выпали ее волосы, как пожелтела кожа, как у нее не было больше сил даже взмахнуть рукой.

Папа отремонтировал заднее колесо, но до конца оно так и не выпрямилось. При каждом обороте обод цеплялся за тормозные колодки, раздавался характерный треск, движение замедлялось. Каждый раз, когда я ездил на нем, велосипед играл музыку той драки – тик-тик-тик, – а передо мной вставало грустное, изумленное лицо Дэзи Моргана, долгие секунды, которые

потребовались ему, чтобы среагировать, словно ему было лень ощущать простые вещи, типа удара в лицо от одиннадцатилетней драчуни.

Теперь мне полагается уточнить, что после этого случая я дралась довольно редко (хнык-хнык) и усвоила урок (ме-ме-ме). Но правда в том, что многие драки попросту обходили меня стороной. Если бы кто-то вызвал меня, я бы, конечно, приняла бой. Просто после начальной школы тебя редко вызывают на драку, если ты девочка.

Вероятно, следовало бы пояснить, что «хнык-хнык, ме-ме-ме» – это выражение, которым пользовался мой папа каждый раз, когда кто-то сетовал на что-то или жалел себя или других. Например, мы сидели за столом, мама раскладывала еду, рассказывая: «В общем, я сходила к Мэгги, и она такая расстроенная, что он умер, хотя в конечном счете это облегчение, потому что в его легких скопилась вся эта дрянь с завода – ну, ты знаешь, – и она тоже успела надыхаться этой дрянью, потому что столько лет стирала его спецовки». Он посмотрел на меня и беззвучно произнес: «Хныкхнык, ме-ме-ме», и мы обменялись улыбками. Вот так вот.

Всякий раз, когда мне хочется пожаловаться – мол, бедная я несчастная, – я сразу думаю: «О, хнык-хнык, ме-ме-ме», и на этом точка. Хватит. Он так говорил даже когда мы смотрели фильм, и на экране персонаж сожалел о прошлом или тянул время, останавливаясь и рассуждая вслух о своих чувствах, вместо того чтобы стрелять в кого-то или взрывать что-то.

Тяжелее всего было смотреть с ним фильмы, где присутствовали дети. Он орал на них постоянно: «Почему этот маленький ублюдок не слушается? Как дать бы ему!» Больше всего папе нравился экшн. Нравился – это даже слабо сказано. Он ерзал в кресле, нервничал, его кулаки непроизвольно двигались, лицо багровело, порой он вскрикивал: «Ну давай же! Добей! Снеси ему голову нахер!» Позже он хвалил фильм – если в нем не было детей, не выполняющих приказы с первого раза, и если всех взорвали и никто не рассказывал, что чувствует.

Последние годы папы сопровождались некоторым количеством собственных жалоб «хнык-хнык, ме-ме-ме». Я объясняю это снижением уровня тестостерона в пожилом возрасте. Он мог лить слезы над составами команды «Волков» 1970-х годов, например.

Что еще более неожиданно – он поставил фотографию мамы в рамке на телевизор, хотя непонятно, откуда он ее взял. Это фото делала еще баба Мари: мы с Каролин сидим на детской лошадке в парке, а мама стоит рядом. Мы такие маленькие, что она нас обеих придерживает. Папа аккуратно загнул нижнюю часть фотографии с изображением нас и лошадки, оставив видимым только ее портрет. Волосы мамы еще светло-коричневые, и щеки округлые. Это было до того, как она превратилась в женщину, живущую дома и целыми днями занимающуюся глажкой, боящуюся выйти даже за пределы двора, не говоря уж о визите к врачу, а потом умерла в собственной кухне от инфекции дыхательных путей, которую легко можно было вылечить.

Он начал рассказывать о том времени, когда сидел в тюрьме, некоторых событиях, свидетелем которых становился, людях, потерявших разум, и о мужчине, который повесился в соседней камере. Неделями папа и другие заключенные слышали, как тот орал, что из окошка ползут змеи, они капают на пол кислотой, кто-то должен их поймать, и кстати, как насчет пауков? Никто так и не пришел, и мужчина повесился, пытаясь избавиться от несуществующих змей, кислоты и пауков. Рассказывая мне это, папа плакал. Сказал: «Так не должно было случиться. Так нельзя».

Он рассказал немного о неудачной драке, как его переключило, когда он решил, что уделал соперника, и думал только: «Я сейчас заработал кучу денег», и только после того, как он поднял руку в воздух и воскликнул «да!» до него дошло, что парень остался лежать на полу без сознания, и пришлось вызвать скорую помощь. У заведения отобрали лицензию, к сожалению, а побитому повезло выжить, но он обзавелся металлической пластиной в черепе и не мог больше драться. Да и зубов у него значительно поубавилось. Получилось довольно некра-

сиво. Уже в суде демонстрировали его лицо, заявляя, что он теперь никогда не восстановит внешность, а папа отвечал: «Ну он так-то изначально не был красавчиком, а?»

Обычно он рассказывал только это, но в последние годы начал кое-что добавлять: если бы он знал, что из этого выйдет, никогда бы не участвовал в боях, особенно в барах. Он мог бы освоить профессию сантехника или штукатурищика. Выражал сожаление, что в молодости не увидел этого пути. Ему был не интересен ни колледж, ни обучение у мастеров, но если бы у него сейчас родился сын, он бы посоветовал ему не торопиться и изучить что-то полезное, получить надежное ремесло. Потому что драки и бои сгодятся, если ты молод и считаешь себя непобедимым и бессмертным, а потом вдруг ты сидишь в камере, и внезапно оказывается, что все остальные занимаются делами, а ты ни хрена не умеешь, кроме как бить в челюсть, и этот твой навык никому особо не нужен. По крайней мере, достойной прибыли он точно не приносит.

Папа стал сентиментален и в отношении мамы. Он говорил, что она ушла слишком рано. Мол, совсем молодая. Я, дескать, думал, что она вместе со мной в старости будет сидеть у камина и заваривать нам чай. Хотя лично я категорически не припоминаю ни одного случая, чтобы они хоть раз где-то вместе сидели. Маме вообще редко удавалось присесть, и уж точно не в присутствии отца. Она все время держалась где-то в стороне, опустив взгляд, ожидая отцовских указаний и требований. Если он задавал прямой вопрос, она начинала паниковать, подозревая, что любой ответ окажется неверным. И вот он, дожив до преклонных лет, представлял, как она сидит напротив него в кресле. Так, как не бывало никогда в жизни.

Он даже рассказал мне о девушке, с которой встречался до мамы. Они познакомились, когда она училась в школе, а потом ей пора было отправляться в колледж, и они расстались. Проходит какое-то время, и к нему подходит однажды его приятель. Тот говорит, что слышал, будто папа недавно продал мотоцикл, и папа отвечает – мол, ну да, и что с того? И этот парень, Малькольм, говорит, что работает в Бирмингеме и сошелся с бывшей девушкой папы, и она беременна, однако незамедлительно жениться он не намерен, поэтому ищет средства на аборт, который в то время делали тайно за наличные, и еще он знает, что папа испытывал к ней симпатию и только что продал байк, так что нельзя ли взять у него в долг немного денег на это дело? Папа в ответ бьет ему морду и называет куском говна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.